

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

DOI 10.25587/2782-6627-2024-1-61-70

УДК 811.512.151`37:398.22

Лингвостилистический анализ лексики алтайских сказителей Н. Улагашева и А. Калкина

А. А. Конунов

Республиканский центр народного творчества, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай
E-mail: konun1974@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматривается вопрос о языковых особенностях алтайских героических сказаний, осуществлен лингвостилистический анализ их лексики. Автор рассматривает художественные свойства синонимов, антонимов и таких образных средств, как эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы и литоты в лексике эпических произведений сказителей А. Калкина и Н. Улагашева.

В статье автор приходит к выводу, что за счет умелого употребления образных средств сказителями достигается художественная выразительность и эмоционально-экспрессивная окрашенность лексики рассмотренных героических сказаний. Общий фонд языка обусловлен концептуальной структурой эпического текста и свидетельствует об устойчивости и преемственности лексики алтайских героических сказаний. Специфические черты лексики сказаний можно квалифицировать как особенности регионального характера. Именно эти особенности предопределили специфику языка эпоса алтайских народов как уникального речевого образования.

Ключевые слова: стиль, лексика, героическое сказание, синоним, антоним, эпитет, сравнение, метафора, гипербола, литота.

Для цитирования: Конунов А. А. Лингвостилистический анализ лексики алтайских сказителей Н. Улагашева и А. Калкина // DOI 10.25587/2782-6627-2024-1-61-70

Linguistic and stylistic analysis of the vocabulary of the Altai storytellers N. Ulagashev and A. Kalkin

A. A. Konunov

Republican Center of Folk Art, Gorno-Altaysk, Altai Republic
E-mail: konun1974@mail.ru

Abstract. In this paper, the question of the linguistic features of the Altai heroic tales is considered, and a linguistic and stylistic analysis of their vocabulary is carried out. The author examines the artistic properties of synonyms, antonyms and such figurative means as epithets, comparisons, metaphors, hyperboles and litotes in the vocabulary of epic works by storytellers Alexei Kalkin and Nikolai Ulagashev.

КОНУНОВ Аркадий Алексеевич – к. филол. н., специалист, Республиканский центр народного творчества Республики Алтай.

E-mail: konun1974@mail.ru

KONUNOV Arkady Alekseevich – Candidate of Philological Sciences, Specialist, Republican Center of Folk Art of the Altai Republic.

In the article, the author comes to the conclusion that due to the skillful use of figurative means by the storytellers, artistic expressiveness and emotionally expressive coloring of the vocabulary of the considered heroic tales are achieved. The general fund of the language is determined by the conceptual structure of the epic text and testifies to the stability and continuity of the vocabulary of the Altai heroic tales. The specific features of the vocabulary of the tales can be qualified as regional features. It was these features that predetermined the specifics of the language of the epic of the Altai peoples as a unique speech education.

Keywords: style, vocabulary, heroic epic, synonym, antonym, epithet, comparison, metaphor, hyperbole, litotes.

For citation: *Konunov A. A. Linguistic and stylistic analysis of the vocabulary of the Altai storytellers* N. Ulagashev and A. Kalkin // DOI 10.25587/2782-6627-2024-1-61-70

Введение

Наряду с общими исследованиями архаических истоков, генезиса, сюжетики, мотивов, жанровой специфики и образной системы, поэтики и художественных особенностей эпоса необходим лингвистический анализ текстов, поскольку «идейно-образное содержание традиционного фольклора реализуется в его языке, который представляет собой особую систему, имеющую очень сложный генезис» [1, с. 137]. Изучение фольклора приобрело сегодня качественно новое очертание. «Само понятие фольклорного текста претерпело значительные изменения: на смену филологическому, т.е. основывающемуся на вербальном коде (текст-произведение) и эстетическом критерии оценки, пониманию фольклорного текста приходит новая, более расширенная трактовка вербального текста как многомерно-го явления» [2, с. 103].

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения этно-территориальной дифференциации языка и стилистики алтайского героического эпоса, с одной стороны, и недостаточной разработанностью данной проблематики в алтайском языкознании, с другой. На современном этапе развития лингвистики проблема изучения языка эпических памятников приобретает особую актуальность в типологическом и сравнительно-историческом плане для выяснения истории становления литературных языков.

На ценность эпоса и произведений фольклора как аутентичных источников для сравнительно-исторического изучения языков указывал известный тюрколог Э.Р. Тенишев: «Язык фольклорных произведений (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет старые черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык фольклора почти не исследован. Необходимо систематическое изучение языка эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования» [3, с. 123].

В настоящей работе рассматривается вопрос о языковых особенностях алтайских героических сказаний «Маадай-Кара», (7738 ст. строк), «Алтай-Буучай» (два текста 1958 г. и 1992 г. 1423 ст. строк и 1787 ст. строк) А. Калкина. Данные сказания опубликованы в книгах «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос» (Москва, 1973) и «Алтай баатырлар (Алтайские богатыри)» (Горно-Алтайск, 2013). Общий объем рассматриваемых сказаний 10948 ст. строк, а также пять сказаний Н. Улагашева «Шокшыл-Мерген», «Бойдон-Кёкшин», «Кара-Күрен атту Кан-Күлер», «Эрзамыр», «Барчын-Бёкё», опубликованных в книге Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба кизи). Тексты и переводы (Москва, 1965).

Образные средства алтайских сказаний

Рассмотрим художественные свойства синонимов, антонимов и таких образных средств, как эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы и литоты в лексике эпических произведений сказителей А. Калкина и Н. Улагашева.

Важную часть лексики составляет синонимия. Синонимы являются «важным языковым средством для выражения тончайших оттенков наших мыслей и чувств» [4, с. 4]. Синонимия охватывает различные единицы лексико-семантического уровня языка, выполняет важную роль в деле его функционирования и исторического развития.

Синонимия в языке рассматриваемых сказаний представлена всеми частями речи: именами существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и служебными словами. Так, имена существительные, составляющие вариационный параллелизм, образуют синонимический ряд: *ўсти – сырты, кўч – ийде, ак-айас – кёк-айас* и др.

Например, устойчивая формула, описывающая дальность пути: *Јердин ўстин јети айланып, / Алтай сыртын алты айланып, / Андап-куштап јўрўп ийди* [5, с. 166] – ‘Поверхность земли семь раз объехал, / Поверхность Алтая шесть раз объехал, / На зверей и птиц охотился’. Или устойчивая формула, описывающая физическое состояние героя обычно после употребления чудесных продуктов: *Кўчине артык кўч кожуды, / Ийдезине артык ийде кожуды* [6, с. 142]. ‘К силе больше силы прибавилась / К мощи больше мощи прибавилась’.

Глаголы, составляющие вариационный параллелизм, также образуют синонимический ряд. Например, глаголы жалтырашкан-мызылдашкан: *Ай жалтагы чырайы / Алтын кептў жалтырашкан / Кўн жалтагы чырайы / Кўмўш кептў мызылдашкан* [5, с. 318-320] ‘Как блеск луны [его] лицо, / Подобно золоту сверкает. / Как сияние солнца [его] лицо, / Подобно серебру блестит.

В лексической системе языка рассматриваемых сказаний многие слова связаны не только синонимическими отношениями, но и антонимическими. В алтайском языкознании работ, посвященных проблеме антонимии, нет. Главная стилистическая функция антонимов в эпосе – это создание эффекта противопоставленности различных явлений, предметов и вещей.

Героический эпос в целом построен на основе противопоставления и сопоставления. Сказитель, употребляя слова, принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности, к одной и той же части речи, и слова с одинаковой стилистической окраской, смог создать и воспроизвести образы с контрастными характерами давно минувших веков, сопоставить различные явления и предметы друг с другом, достигнув тем самым глубокой эпичности и художественности произведения. Например, устойчивая формула, концовка героического сказания: *Узада айткан сөстөрүм / Ойто ордына тарыксын / Кыскарта айткан сөстөрүм / Тўжүме кирбей, токуназын* [5, с. 402] ‘Удлиняя сказанные слова мои / Пусть на место обратно встанут / Укорачивая сказанные слова мои / Пусть не снятся, успокоятся’.

В рассматриваемых сказаниях в образе главных героев заключена идея добра и зла. В эпосе «Маадай-Кара» описание стран главного героя и противника построено путем противопоставления, т.е. чудесной стране Маадай-Кара контрастно рисуется земля его врага, богатыря Кара-Кула.

Одним словом, весь сюжет рассматриваемых сказаний построен на основе противопоставления и сопоставления. Но наша задача состоит не в сюжетном раскрытии противоположных образов и характеров героев, а в том, чтобы, во-первых, дать классификацию антонимов, во-вторых, показать роль антонимов в языке эпоса.

Антонимические пары в алтайском языке составляют однокоренные слова и слова разных корней. У однокоренных слов-антонимов показателем антонимичности являются аффиксальные морфемы и предикативное слово *јок*, выражающая отсутствие какого-либо явления, предмета. Например: *Кўчи јок бойым кўчтў болорго турум, / Баи јок бойым баишту*

болорго турум. [7, с. 130] ‘Бессильная, я хочу быть сильной, / Не имеющая хозяина-главы, я хочу иметь хозяина’.

Слова разных корней характеризуются как лексические антонимы. В данном случае показателем антонимичности является противоположность семантики, т. е. «слова объединяются в антонимические пары только тогда, когда они в основных своих значениях взаимно предполагают друг друга и взаимно зависят друг от друга» [8, с. 82]. Такой тип семантических отношений антонимов Д.Н. Шмелев называет отношениями комплементарности. Например, устойчивая формула, описывающая богатую добычу, характерная только для репертуара А. Калкина: *Удура тиштү айу-бөрү / Азузынан тизендеди. / Кайра тиштү какай-түлкү / Карызынан тизендеди* [5, с. 314] ‘Прямоурых медведей и волков / За клыки нанизывал. / Клыкастых кабанов и лисиц / За передние ноги нанизывал’.

В рассматриваемых героических сказаниях встречаются такие антонимы, как *өрө* ‘верх’ – *төмөн* ‘вниз’, *ары* ‘туда’ – бери ‘сюда’ и др., которые семантически противопоставляются друг другу. А «регулярное противопоставление слов-антонимов в речи – обязательное условие, без которого слова не могут ни стать антонимами, ни оставаться ими» [9, с. 55]. Следовательно, следующий тип слов-антонимов – это антонимы, выражающие противоположную направленность. *Өрө өткөн бу куштарды / Өрө өткүрбей, бу өттирди, / Төмөн өткөн кучыйакты / Төмөн өткүрбей, кыра атты*. [6, с. 110] ‘Вверх взлетающих птиц / Он стреляет, вверх не пуская, / Вниз летящих птиц / Стреляет, вниз не пуская’, устойчивая формула, гиперболически описывающая отъезд богатыря: *Ары да көрүп атанарда, / Айдын көзи ол бөктөлгөн, / Бери де көрүп атанарда, / Күннин көзи бу жабылган* [5, с. 98] ‘Туда повернул коня и отправился. / Туда лицом он поехал – / Лик месяца заслонился, / Лицом сюда он поехал – / Солнца лик закрылся’.

Таким образом, антонимы в языке эпоса можно классифицировать на структурные и лексические типы. Антонимы, являясь языковым средством, служат для построения антитез. В основе антитезы лежат противопоставление и сопоставление контрастных явлений, действий и т.д. Например, *Оны уккан Маадай-Кара / Ары көрүп ыйлай салды, / Бери көрүп каткыра салды. / Алтын-Тарга бу энези / Ары көрүп ыйлай салды, / Бери көрүп каткыра салды*. [6, с. 158] ‘Услышав это, Маадай-Кара, / Отвернувшись, заплакал, / Повернувшись к нему, засмеялся. / Алтын тарга – его мать – / Отвернувшись, заплакала, / Повернувшись к нему, засмеялась’. Здесь использованы антонимы, выражающие противоположную направленность действия: *ары көрүп* ‘туда посмотрев’ – *бери көрүп* ‘сюда посмотрев’, и антитезы *ыйлай салды* ‘всплакнул’ – *каткыра салды* ‘засмеялся’, выражающие душевное состояние героя.

Антонимы в языке эпоса создают атмосферу глубокого контраста, связанного с бинарными семантическими оппозициями. Принцип контрастности – обязательное стилевое средство любого героического сказания, он проявляется в сюжете и композиции, в изображении положительных и отрицательных персонажей, в поэтической лексике.

В лингвистической и литературоведческой науках существуют разные подходы к определению термина «эпитет». Некоторые ученые отмечают, что эпитеты – это «художественные определения, отличающие существенную черту в изображаемом явлении». Другие, а именно Л.И. Тимофеев, считает, «что эпитетом является всякое слово, определяющее, поясняющее, характеризующее и т.д. какое-либо понятие. В этом смысле эпитетом является любое прилагательное» [10, с. 218]. Третьи подчеркивают, что «эпитеты – это слова и словосочетания, называющие, поясняющие, оценивающие какое-либо существующее и воображаемое свойство (качество) понятия, явления, предмета [Палкин 1979: 66]. Эпитеты, называя определенные стороны предмета, выступают как средство детализации и

типизации. В отличие от логического определения они характеризуются образностью, переносным характером значения. Например, железная сабля и железная воля, в первом случае «железная сабля» – логическое определение, а во втором – эпитет, который несет экспрессивно-эмоциональную, смысловую нагрузку.

В разряд постоянных эпитетов входит вся «цветовая символика» эпоса, несущая в себе определенные семантические и стилистические значения. Особенностью семантики постоянного эпитета является постоянный характер выраженного им признака. Эпитеты *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’ выражают противоположные значения. В них заключается борьба добра и зла.

Для языка эпоса характерны простые по форме эпитеты, состоящие из одного или двух слов. Например, а) эпитеты, состоящие из одного слова: *кара туман* ‘черный туман’; б) эпитеты, состоящие из двух слов: *сыры корон талай* ‘желтое ядовитое море’, *кара болот үлдү* ‘черная булатная сабля’.

Из примеров следует, что для языка эпоса характерны эпитеты, выраженные в основном именем прилагательным, реже именем существительным, т.к. сказитель для особого выделения какого-либо предмета или явления, определял его по признаку, присущему только этому предмету или явлению.

Для языка рассматриваемых сказаний характерны, в основном, постоянные эпитеты. Эпитеты столь широко представлены в рассматриваемых текстах, что их с полным правом можно отнести к числу основных изобразительных средств, формирующих эпические образы. В ходе исторического развития отшлифованный веками эпос вырабатывал свою, только ему присущую систему изображения, когда каждое прилагательное можно рассматривать как эпитет.

Эпитеты образуют два семантических класса: констатирующие (с точки зрения формы, цвета, величины и качества) и оценочные.

Характерное для эпоса явление то, что предмет всегда употребляется с определением: *ак үлдү* ‘белая сабля’, *алтын үлдү*, ‘золотая сабля’; *аржан кутук суу* ‘целебная родниковая вода’, *жорго жеерен ат* ‘рыжий конь иноходец’, *темир, мөнкү терек* ‘железный, вечный тополь’ и т.д. Однако не всегда слово, являющееся определением, т.е. не каждое прилагательное может являться эпитетом.

Здесь нельзя не остановиться над еще одним характерным стилевым признаком, как усложненная эпитетика. По определению А.В. Кудиярова, это – «особый вид художественной определительности, когда один из эпитетов в определительном ряду уточняет или усиливает другой» [11, с. 12]. Например, *жорго жеерен ат* ‘иноходец рыжий конь’ [5, с. 156], *жалбыш жеерен ат* ‘пламенно рыжий конь’ [5, с. 158].

В словосочетании *жалбыш жеерен ат* ‘пламенно рыжий конь’ – распространенный вид усложненной эпитетики в алтайском эпосе, где эпитет *жалбыш* определительного ряда усиливает последующий эпитет *жеерен*, выступая, таким образом, определением к определению, а не к определяемому существительному.

Эти конструкции, имеют различные функциональные отношения с определяемым словом и между собой. При этом поэтические определения могут характеризовать разные признаки, т.е. на цвет, на качество, из какого материала сделан предмет и т.п. Здесь все эпитеты независимы друг от друга, но один из них может дополнять или непосредственно характеризовать другого в определительном ряду существительного. И лишь в этом качестве соотносится с последним или вовсе с ним не соотносится (в этом и состоит усложненность эпитетики). Основную функцию этого стилевого приема мы бы определили, как усиление характеризуемого признака или уточнение того или иного аспекта.

В данных героических сказаниях А. Калкина сравнение является важным изобразительно-выразительным средством языка. Для того чтобы создать определенный образ какого-либо предмета или явления, человек сравнивал его с другим предметом или явлением, полностью обладавшим данным признаком. Вначале он сравнивал какой-либо предмет с солнцем, звездой, луной. С развитием его сознания сравнения получают развернутый характер. Через сравнение сказитель передает свое отношение к изображаемому взгляду, чувству.

В языкознании и литературоведении существуют разные подходы к определению понятия сравнение. По мнению М.А. Палкина, «сравнение – это оборот речи, в котором предмет высказывания сравнивается, сопоставляется с другим предметом, с целью придать высказыванию большую образность, эмоциональность и выразительность» [12, с. 68]. Наиболее объективный подход к определению понятия сравнение у Л.И. Тимофеева, который считает, что «сравнение – это сближение двух явлений с целью пояснения одного другим при помощи вторичных его признаков» [10, с. 217].

Наиболее характерны для поэтики данных сказаний сравнения, ставшие основой для формирования других изобразительных тропов: параллелизма, метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы. При создании образов используются как простейшие, так и развернутые формульные сравнения, придающие монументальность, эпичность изображаемым событиям и героям.

Поэтические сравнения в рассматриваемых сказаниях весьма разнообразны и тесно связаны с гиперболическим изображением персонажей или явлений природы и жизни. Например, для того, чтобы подчеркнуть силу и мощь богатыря зачастую привлекаются образы гор, хребтов, скал характерных для природы Алтая: *Ярым кайа жаакту, / Бүдүн кайа бүдүйүтү*. [6, с. 318]. ‘С щекой как пол скалы, / С видом с целую скалу’.

Внешний вид богатыря и его действия настолько гиперболизированы, что они иногда носят космический характер: *Елде жыдазын уштуп алып, / Айга-кенге жапып ийди*. [7, с. 323] ‘Саблю, копьё вынув, / По луне-солнцу провел.

Многие стилистические приемы в рассматриваемых сказаниях, как и во всем алтайском эпосе, выступают совокупно, придавая многоаспектную художественную содержательность, красочность и выразительность:

Ары көрзө, айга түңей / Бери көрзө, кенге түңей [6, с. 195] ‘Туда посмотрит – подобна луне, / Сюда посмотрит – подобна солнцу’

В данной цитате можно различить: строгую синонимическую вариацию, художественное иносказание ‘Туда посмотрит – подобна луне / Сюда посмотрит – подобна солнцу’ – означает высшую степень красоты’ и сравнение.

Языковая реализация эпического сравнения осуществляется в двучленной форме при помощи сравнительных частиц и словами с аффиксом обладания: *ошкош* ‘как’, ‘подобно’, *кептү* ‘подобно’, ‘словно’ и др.: *Салкын ошкош жорго болды* [6, с. 188] ‘Подобным ветру иноходец был’, *Жалкын ошкош жорго болды* [6, с. 188] ‘Подобным молнии иноходец был’; *Тайга кептү эт туурады*. [6, с. 89] ‘С гору мяса нарубили’, *Талай кепте аракы урды* [6, с. 89] ‘С реку аракры наливали’

В эпосе сказитель не только рисует образы героев и показывает быт наших далеких предков, но и с помощью сравнения выражает свое эмоциональное отношение к сопоставляемым предметам и явлениям. Положительные черты героев изображены ярко, красочно и гротескно, а отрицательные – без каких-либо оттенков, одними мрачными, темными красками.

В лингвистике метафора – это любой перенос названия по сходству, независимо от того, используется он как художественный прием или не используется. «Речевая (языковая) ме-

тафора характеризуется семантической двуплановостью, состоящей во взаимодействии прямого лексического значения слова и добавочного контекстуального смысла» [13, с. 30].

Метафора занимает особое место среди изобразительных средств языка эпоса как важнейший способ создания переносных значений слов и словосочетаний. Она лежит в основе образного восприятия и отражения действительности и не только способствует данному процессу, но и выступает как средство его познания.

Существует два типа метафор: поэтическая и языковая. Поэтическая метафора является объектом поэтики, выполняет эстетическую функцию, языковая метафора исследуется в лингвистике, выполняет коммуникативную функцию.

Поэтическая метафора, по мнению М. А. Палкина, является не только изобразительным средством языка, основанным на переносе значений, а каким-то более важным и эстетически значимым явлением. Метафоричность одно из главных свойств художественного, словесно-образного мышления. В образах-метафорах проявляется способность открывать новые соотношения смысловых реальных понятий [12, с. 72]. Сказители, писатели и поэты, обладающие обостренной способностью к ассоциациям представлений, часто именно через метафору открывают слушателю и читателю сложные, порой неожиданные связи явлений действительности, расширяют и обогащают его представление о мире.

Слова, употребляемые в прямом значении, конкретно называют предметы, явления, процессы. А слова с «добавочным контекстуальным смыслом» бывают эмоционально и экспрессивно окрашенными. Поэтому они играют важную роль в эпических и художественных произведениях.

В рассматриваемых героических сказаниях так же широко распространен поэтическая метафора (иносказание) – «метафорическое замещение прямого термина образным описанием явлений, благодаря чему художественность и выразительность изображения значительно возрастает, подчеркивается своеобразие эпического стиля» [11, с. 33].

Простейший его вид – образная замена одного слова другим. Например, таковы случаи иносказательного употребления цветового эпитета *кара*-черный. В сказании «Эрзамыр» плохой человек (человек с плохими умыслами) определяется эпитетом *кара* – дословно ‘черный’.

Ол төһөчүп јанынча / Акту кижји өдөр эмтир, / Кара кижји өдүр болбос эмтир. [7, с. 266] ‘Мимо этого пня / Честный человек, оказывается пройдет, / А плохой человек пройти не сможет’.

Иносказание фразовое – описание действий посредством конкретных образов, связанных с их появлением. Фразовое иносказание дает ощутить специфичность стилевой манеры эпоса и ее пластичность. Оно складывается в картинный и запоминающийся параллелизм, обладающий законченностью эпической формулы:

Эр артыгы јен јастанган јадат, / Ат артыгы јал јастанган јадат [7, с. 321] ‘Головы лучших мужей упали на рукава, / Головы лучших коней упали на гривы’.

В рассматриваемых сказаниях особо выделяются простые виды иносказания, обусловленные запретом (табу) на прямое именование чего-либо.

Көк айаска көдүрүп чыкты, / Ак айаска алып чыкты [7, с. 93] ‘До синего ясного [неба] поднял, / До белого ясного [неба] поднял’.

Здесь иносказание обусловлено запретом на прямое именование *Тенери*-Неба. Жителям Среднего мира говорить *Тенери*-Небо запрещалось, потому что это священное слово, означающее Верхний мир, где обитают божества, создавшие Средний мир. Варьирующиеся сочетания *көк айас* ‘синее ясное’ и *ак айас* ‘белое ясное’ в обоих случаях обозначают обобщенное понятие «Небо».

Метафоры в языке эпоса помогают конкретизировать изображение различных сторон жизни человека, а также предметов и явлений. Они неразрывно связаны не только друг с другом, но и с другими образными средствами, являясь необходимыми их компонентами.

Гипербола и литота выступают как два противоположных образных средства языка, где первый – художественное преувеличение, а второй – художественное преуменьшение. В отличие от других тропов, переносный смысл, заключенный в них, состоит не в том, что под сказанием следует разумеать какие-то другие явления, а в том, что огромное или же маленькое, не соответствующее реальности преувеличение или преуменьшение размеров изображаемого не являются действительными.

Стилистическая функция гиперболы и литоты заключается в том, чтобы заострить внимание слушателей и читателей на преувеличиваемых и преуменьшаемых признаках явлений, действий, примеров и т.д.

Гипербола по семантическому значению близка к идеализирующему эпитету, т.к. она усиливает качество, доводя его до предела, превосходящего возможную действительность.

В рассматриваемых сказаниях, как и во всем алтайском эпосе гипербола не знает границ. Если человек красив, то он солнце. Если герой, то силен – переставляет горы с одного места на другое; когда спит, голову кладет на одну гору, а ноги на другую. Конь перескакивает через горы и моря и т.д. В основе эпических гипербол лежит недифференцированность понятий о размерах, о количестве и качестве. Например: *Тош тайганы кодороло, / Олордын сёёгин бектеп койды*. [5, с. 64] ‘Ледяную гору вырвав, / Их тела придавил; Эки туней кайчы кулак / Тенгеридин агы-кёгин / Ары-бери селип турар [5, с. 118] ‘Двумя одинаковыми ушами-ножницами прядая, / На синем небе белые тучи / Туда и сюда гоняет’.

Сказитель, описывая сборы героя на охоту, на сражение с чудовищами, неприятелем, очень умело преувеличивает каждую его деталь, до фантастических размеров

Выше было отмечено, что в основе гиперболы лежит недифференцированность понятий о размерах, о количестве и качестве. Такими преувеличенными размерами характеризуются дворец, коновязь, священный тополь главных героев.

В эпосе нет четких представлений ни о пространстве, ни о времени, ни о числах. Герой едет сутки, месяцы, годы, сражается со своими врагами в течение продолжительного времени. Поэтому понятие о пространстве, времени и числах носит гиперболический характер: *тогзон кырлу таш ёргёё* ‘дворец имеющий 90 граней (угла)’, *алтан кулаш ак үлдү* ‘белая сабля в 60 сажень’, *алтан кулаш куйрукту, / јетен кулаш сынду, / Кара-Күрен ат турды* ‘с хвостом в шестьдесят сажень, / ростом в семьдесят сажень / стоял конь Кара-Кюрен’, и т.д. Например, вариативное описание сражения богатыря с войском противника: *Төмөн өдүп бу јүреле, / Төртөн муннан кезип јүрди, / Ёрө лө өдүп алтан муннан / Эмди кезип турар болды*. [5, с. 172] ‘Вниз проезжая, / По сорок тысяч врагов рубит, / Вверх проезжая, по шестьдесят тысяч / Рубит теперь’.

В эпосе очень мало внимания уделено литоте (преуменьшению). Это объясняется архаичностью его происхождения. Зачастую человек ввиду своего бессилия перед стихийными силами природы вынужден был преувеличивать все предметы и явления до огромных, фантастических размеров.

Заключение

Итак, художественная выразительность и эмоционально-экспрессивная окрашенность языка рассмотренных героических сказаний А. Калкина и Н. Улагашева достигается за счет умелого употребления образных средств: эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений, гипербол и литот. Общий фонд постоянных поэтических констант в рассмотренных сказаниях обусловлен концептуальной структурой эпического текста и свидетельствует об

устойчивости и преемственности языка алтайских героических сказаний. Специфические черты можно квалифицировать как особенности регионального характера. Именно эти особенности предопределили специфику языка эпоса как уникального речевого образования. Эпос как особый текст сакрально-мифологического характера обладает свойствами и признаками, в т.ч. языковыми, отличающими его от других фольклорных текстов.

Литература

1. Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. – 1975. – Номер 5 С. 66-77.
2. Гацак, В.М. Текстологическое постижение многомерности фольклора // Современная текстология : Теория и практика / РАН. И-т мировой литературы им. А.М. Горького ; Введ. от изд-ва . – М. : Наследие, 1997. – 103-112.
3. Тенишев Э.Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // СТ. 1973. № 5. С. 119-124.
4. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] : около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова ; под ред. [и с предисл.] Л. А. Чешко. – 5-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1986. – 600 с.
5. Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. XV / сост. Конунов А.А., ред. М.А. Демчинова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2013. – 272 с.
6. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Издательство «Наука», 1973.
7. Баскаков Н.А. Шокшыл-Мерген, Бойдон-Көкшин, Кара-Күрен атту Кан-Күлер, Эрзамыр, Барчын-Бөкө Н. Улагашев // Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба кизи). Тексты и переводы. – М., 1965 – С. 73-338.
8. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] : (На материале рус. яз.). – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
9. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонимов // Вопросы языкознания, № 2. – М., 1957.
10. Тимофеев Л.М. Основы теории литературы [Текст] : [Учеб. пособие для пед. ин-тов] / Л. И. Тимофеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1976. – 448 с.
11. Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – 327 с.
12. Палкин М.А. Вопросы теории литературы [Текст] : Пособие для поступающих в вузы. – Минск : Вышэйш. школа, 1971. – 229 с.
13. Томашевский Б.В. Стилистика [Текст] : учебное пособие / Б. В. Томашевский. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. – 288 с.

References

1. Ossovetsky, I.A. (1975). On the language of Russian traditional folklore. *Voprosy Jazykoznanija*. No. 5, pp. 66-77
2. Gatsak, V.M. (1997). Textual comprehension of the multidimensionality of folklore. *Modern textual science: Theory and practice*. Moscow: Heritage, pp. 103-112.
3. Tenishev, E.R. (1973). On methods and sources of comparative historical research of the Turkic languages // ST. 1973. No. 5. pp. 119-124.
4. Alexandrova, Z. E. (1986). *Dictionary of synonyms of the Russian language: about 9000 synonymous series*. Moscow: Russian language.
5. Konunov, A. A. (ed.) (2013). *Altai baatylar (Altai bogatyr)*. Vol. XV. Gorno-Altaysk: Gorno-Altajskaya tipografiya.
6. *Maadai-Kara. Altai heroic epic*. (1973). Moscow: Nauka.
7. Baskakov, N. (1965). Shokshyl-Mergen, Bojdon-Kökshin, Kara-Kÿren attu Kan-Kÿler, Erzamy, Barchyn-Bökö N. Ulagashev. *The northern dialects of the Altai (Oiroi) language. The dialect of the Black Tatars (Kizhi tuba). Texts and translations*. Moscow, pp. 73-338.
8. Shmelev, D. N. (1973). *Problems of semantic analysis of vocabulary: (Based on the material of Russian language)*. Moscow : Nauka.

9. Komissarov, V. N. (1957). The problem of defining antonyms. *Questions of linguistics*. Moscow, No. 2.
10. Timofeev L.M. (1976). *Fundamentals of literary theory: [Textbook]*. Moscow: Prosveshchenie.
11. Kudeyarov, A.V. (2002). *Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian and Turkic-speaking peoples of Siberia*. Moscow: IMLI RAS.
12. Palkin, M.A. (1979). *Questions of literary theory*. Minsk, Vysshaya shkola.
13. Tomashevsky, B.V. (1983). *Stylistics: textbook*. Leningrad : Publishing House of LSU.

